

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-101-112>

УДК 008

ББК 74.03(2)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Н. С. Фуражева
г. Москва, Россия

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ИДЕАЛЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОГО БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Аннотация: В период наивысшего расцвета российской дворянской культуры (вторая половина XVIII – первая половина XIX столетия) происходят значительные изменения в системе воспитания и образования представителей благородного сословия. В допетровскую пору воспитание русского дворянина было направлено, прежде всего, на духовное усовершенствование и домовое устройство. В результате культурного влияния Западной Европы для российского дворянства появляются новые воспитательные и образовательные ориентиры, основанные на идеалах Просвещения. Главным в обучении становится подготовка к государственной службе и умение достойно представить себя в обществе. В это время большое значение приобретает литература нравственного содержания. В стране появляются мужские и женские закрытые учебные заведения, созданные по западному образцу. Обучение иностранным языкам, в первую очередь французскому, становится повсеместным. Для дворянских детей, обучающихся в домашних условиях, приглашаются иностранные учителя, гувернеры и гувернантки. В результате сочетания старых и новых идеалов воспитания и образования, соединявших в себе лучшие отечественные и европейские традиции в среде российского дворянства, постепенно формируются единые образовательные принципы.

Ключевые слова: русское дворянство, воспитание, образование, идеалы, Просвещение, пансионы, гувернерство, французский язык, западная культура, традиции, поведение, образцы, принципы.

Информация об авторе: Наталья Сергеевна Фуражева — кандидат культурологии, доцент, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1239-2286>. E-mail: furazheva@yandex.ru

Дата поступления статьи: 27.08.2021

Дата публикации: 28.12.2021

Для цитирования: Фуражева Н. С. Национальные и европейские идеалы воспитания и образования российского благородного сословия второй половины XVIII – первой половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 101–112. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-101-112>

Вторую половину XVIII – первую половину XIX столетия принято считать эпохой наивысшего расцвета дворянской культуры. Именно в этот период российское благородное сословие получает новые права и привилегии от императорской власти и в то же время на смену многим нравственным требованиям, утвердившимся на Руси еще в допетровскую пору, приходит новая система ценностей, зарождаются новые культурные и поведенческие ориентиры, многие из которых будут оставаться актуальными в дворянской среде вплоть до революции 1917 г. В свою очередь новая система культурных и этических требований закономерно подразумевала определенные перемены в старой системе образования и воспитания молодого поколения дворян. К исконным отечественным воспитательным идеалам, предполагавшим почитание Бога, Государя, Отечества, уважительное отношение к главе семейства и старшим рода, добавились новые образцы, продиктованные идеалами Просвещения, пришедшими в Россию с Запада.

Просвещение в Западной Европе возникло на основе гуманистических идей Возрождения, идеях Реформации, рационализма XVII в., заложившего основы освобождения науки от подчинения ее религии. Русские культурные традиции и социально-экономическое развитие были совершенно иными [12, с. 35]. Другой была и система древнерусского воспитания. «В древнерусском воспитании все это было поставлено значительно иначе. Главное внимание педагогики обращено было в другую сторону — на житейские правила, а не на научные знания. Кодекс сведений, чувств и навыков, какие считались необходимыми для усвоения этих правил, составлял науку о “христианском жителстве”, о том, как подобает жить христианам. Этот кодекс состоял из трех наук, или *строений*: то были строение *душевное* — учение о долге *душевном*, или дело спасения души, строение *мирское* — наука о гражданском общежитии и строение *домовное* — наука о хозяйственном домоводстве. Усвоение этих трех дисциплин и составляло задачу общего образования в Древней Руси» [10, с. 85]. Настоящим народным учителем в Древней Руси считался хозяин дома, отец семейства. «Это было его домашнее царство, за которое он нес законом установленную ответственность перед общественною властью: здесь он был не только муж и отец, но и прямо назывался государем¹. Этот домовый государь и был домашним учителем, его дом был его школой» [10, с. 86]. Некоторую корректировку в такую сформированную образовательную систему мог вносить приходской священник, который являлся своего рода надзирателем и руководителем для семей своего прихода. «Вся семья ежегодно бывала у него на *духу*; здесь он мог проверять и исправлять результаты воспитания, указывать, как вносить живую душу в механическую выправку совести. Это был своего рода инспекторский смотр домашнего воспитания, ибо весь приход составлял как бы одну школу, распадавшуюся на размещенные по домам параллельные классы...» [10, с. 89].

В XVIII в. просветительские идеи начинают проникать в национальную воспитательную систему и постепенно укореняться в ней, заменяя некоторые старые образцы совершенно новыми. Ребенок, как и прежде, считался младенцем до семилетнего возраста, после семи он становился отроком, а после пятнадцати лет наступала пора юности². Еще в начале XIX в. детство до семи лет рассматривалось как ничего не значащее в эмоциональном и умственном плане, а ребенок более старшего возраста воспринимался как маленький взрослый. Мыслители эпохи Просвещения и исконная русская

¹ В русскоязычных частных письмах второй половины XVIII – начале XIX в. обращения к родителям «Милостивый Государь Батюшка и Милостивая Государыня Матушка» считались обычными.

² В 15 лет дворянские юноши и девушки обычно заканчивали свое обучение.

традиция, соединившись, рассматривали разум как антагонизм эмоции, и повышенную эмоциональность ребенка считали отрицательным признаком, мешающим его воспитанию и помещающим его в самый низ семейной иерархии. <...> Пока у ребенка не появлялся разум, его не считали сколь либо значимой персоной» [12, с. 42]. Отсутствие желания тратить усилия и средства на образование ребенка раннего возраста может объясняться еще и высокой детской смертностью в этот период. «Почти весь первый возраст представляет собою болезнь и опасность; половина рождающихся детей умирает до восьмого года. Но вот испытания кончились, и ребенок приобрел силы; а как скоро он в состоянии пользоваться жизнью, основа последней делается более прочной» [19, с. 19]. Воспитание и образование детей от семи до пятнадцати лет постепенно начинает приобретать огромное значение в среде российского дворянства.

В 1780-х гг. Екатериной II проводится реформа системы народного образования. Она старается полностью модернизировать ее, опираясь на новейшие педагогические идеи XVIII в. Императрица советовалась и приглашала к сотрудничеству Ж. Л. Д'Аламбера, И. Б. Базедова, Д. Дидро, И. Г. Зюльцера, Ф. М. Гримма и, наконец, остановила свой выбор на австрийской (саганской) образовательной системе [12, с. 24], предполагавшей создание начальных школ для детей от 6 до 12 лет даже в самых маленьких населенных пунктах. Поддаваясь всеобщему стремлению к созданию воспитательной литературы, российская императрица собственноручно пишет ряд работ педагогического характера, отражающих основные направления последнего времени. «Будучи заинтересованной в наилучшем воспитании собственных внуков, один из которых в будущем наследовал престол, Екатерина II в 1784 году составила “Наставление к воспитанию внуков”, в котором дала подробную инструкцию князю Н. И. Салтыкову, назначенному воспитателем великих князей. В этом документе, тщательно продуманном с учетом новейших для того времени педагогических идей, были определены такие направления воспитания, как развитие и сохранность детского здоровья; воспитание добродетелей и учтивости, обучение правилам поведения и обхождения в свете <...>. Императрица была твердо убеждена, что такой подход необходим в воспитании любого ребенка дворянского происхождения. Сквозь все ее наставления прослеживается главная идея воспитания — научить подчиняться и подчинять, вырастить образованных и приятных молодых людей, умеющих совершать во имя отечества великие дела, а в обществе проявлять себя с самой лучшей стороны» [14, с. 64].

Практически на протяжении всего XVIII в. стремления властей относительно воспитания и образования господствующего сословия были направлены на убеждение в необходимости обучения дворянских отпрысков и в распространении просветительских идей. Новые правила поведения, ориентированные, прежде всего, на благопристойное поведение в обществе, постепенно проникают в повседневную жизнь. Начиная со второй половины столетия в России появляется много книг, содержащих советы этического характера и этикетные рекомендации. В основном эти руководства были переводными, но к концу века стали появляться и книги отечественных авторов [15, с. 25]. Известная еще с 1717 г. книга «Юности честное зерцало...» становится популярной настолько, что в 1767 г. выдерживает уже шестое издание [13, с. 31]. В стране появляется спрос на иностранных учителей. В дворянские семьи приглашаются иноземные гувернеры и гувернантки. Формируется поколение людей нового склада, способных воспринимать лучшие достижения западноевропейской культуры и акклиматизировать их на русской почве.

Век новых этических и эстетических идеалов привносит в русскую культуру иное понимание детства. Оно начинает мыслиться как важный нравственный и физический этап формирования личности, как начало всех начал [6, с. 200]. Огромное значение в конце XVIII – начале XIX в. приобретает литература. Формирование мировоззрения молодого поколения в то время было немыслимо без книг. Идеи детских писателей С. Ф. Жанлис, И.-Г. Кампе, Ф. С. Фенелона имели большее влияние на практическую педагогику, чем идеи педагогов и философов, занимавшихся этими проблемами, — И. Базедова, Г. Песталоцци, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо [12, с. 11]. Дон-Кихот, Робинзон Крузо, дидактические немецкие и французские переводные книги, описания путешествий и подвигов героев древности, греческих и римских, в переложении для детей занимали воображение ребенка. А. П. Керн вспоминает: «У нас была маленькая детская библиотека с *m-me Genlis*, *Ducray-Duminil* и другими, и мы в свободные часы и по воскресеньям постоянно читали <...> мне удавалось удовлетворять своей страсти к чтению, развившейся во мне с пяти лет» [8, с. 110].

Н. И. Новиков создает для женщины-матери полезную, по его мнению, библиотеку для чтения. Полезной же он считал книгу нравоучительную. Вскоре женщины и дети стали читать выпускаемый им журнал «Детское чтение для сердца и разума». Некоторое время сотрудничавший с Н. И. Новиковым Н. М. Карамзин считает, что литература и искусство могут быть нравственными и без скучных моральных нравоучений. Тогда же стали появляться модные романы, которые можно было найти в большинстве женских библиотек. Некоторые матери давали их читать своим детям. Об этих романах Н. М. Карамзин говорил, что человек, который плачет над судьбой героя, не будет равнодушен к несчастьям другого человека. В наивных, смешных уже в эпоху А. С. Пушкина книгах сквозила гуманная мысль, и они действовали, может быть, лучше, чем нравственные уроки, излагаемые в форме прямых наставлений [16, с. 55].

Начиная со второй половины XVIII в. образование российского дворянства идет двумя путями. Большинство семей, как и прежде, предпочитает домашнее обучение; прочие же, руководствуясь семейной традицией, твердым убеждением, или в силу отсутствия иных возможностей, считают лучшим отдавать детей на обучение в закрытые учебные заведения светского или военного характера. Основными учебными заведениями такого типа, носившими узко сословную направленность, в означенный период являлись Сухопутный Шляхетский корпус, Морской корпус, Артиллерийская и Инженерная школы, Пажеский корпус и Смольный институт благородных девиц. В это время государство вырабатывало новые воспитательные принципы, благодаря которым совершенствовалось преподавание в кадетских корпусах, создавались частные и государственные институты женского образования, открывались народные училища, выходила в свет учебная и педагогическая литература. Благодаря всему этому в России произошли значительные изменения по всем направлениям культуры [14, с. 62].

Из всего многообразия военных учебных заведений в Российской империи важнейшие места занимали кадетские корпуса, выпускники которых составляли элиту российской армии, а вся система воспитания в них носила длительный и динамично развивающийся процесс, направленный на формирование целостной личности [1, с. 8]. «Кадетские корпуса за двести лет своего существования дали России бесчисленное множество выдающихся на всех поприщах государственных деятелей, полководцев, писателей, поэтов, историков, композиторов и даже Отцов Церкви» [16, с. 35]. Российские императоры сами были военными, получали военное воспитание и образование. Очевидно, именно это стало одним из факторов, заставляющих их уделять пристальное

внимание образовательной системе данных учебных заведений. Завершил и усовершенствовал эту систему Николай I, который придавал ей особенное значение как никто из его предшественников. Такой интерес объяснялся прежде всего тем, что он хотел быть уверен в надежности офицерского корпуса, что стало особенно актуальным после восстания декабристов [2, с. 28]. Надо отметить, что императору все же удалось обрести эту уверенность. Он смог придать неоспоримый авторитет образу Государя в глазах воспитанников кадетских корпусов.

Восстание 14 декабря 1825 г. послужило Николаю I серьезным уроком и в то же время стало как бы рубежом между старой и новой эпохой. Николай Павлович справедливо полагал, что завоевывать расположение к себе воспитанников корпуса надо с малолетнего возраста. «Встреченный в начале своего царствования при посещении I-го Кадетского корпуса лестницей с пятью повешенными мышами Николай I впоследствии сумел внушить к себе такую любовь и почитание, доходившие до благоговения, которому мог бы позавидовать Александр» [2, с. 28]. Вера в Бога, почитание Государя, служение Отечеству, а также искреннее и безусловное подчинение старшим и начальству были необходимыми постулатами военных учебных заведений, отвечавшими старой воспитательной традиции. В светских учебных заведениях порой царил более либеральная атмосфера. Это объяснялось значительным европейским влиянием.

Еще во времена царствования Елизаветы Петровны русская дворянская культура начинает подвергаться мощному влиянию французской культуры, французского языка и, самое главное, французской идеологии. Свободолюбивые идеи, касающиеся нового общественного устройства, явившиеся прямым следствием Великой французской революции, коснулись умов многих представителей российского благородного сословия. Это происходило благодаря заграничным путешествиям и обучению русских дворян в европейских странах, а также усилиям иностранных воспитателей и учителей, приезжавших в Россию. Претерпевали изменения и традиционные религиозные представления.

Очень осторожно велась пропаганда католицизма в пансионах, возглавляемых французскими священнослужителями. У аббата Николь в Петербурге ученики молились, читали Евангелие, служили мессу на латинском языке, а в определенные дни к ним приходил православный священник и учил их Закону Божьему. Но что было делать, если ученики по выходе из пансиона были более склонны к католицизму, так как их учителя его исповедовали. С другой стороны считалось, что православию их уже обучили.

В то время обращения многих дворян в католичество благоприятствовало не только желание достигнуть лучшей веры, но и желание приобщиться к высокой интеллектуальной и моральной культуре Франции [20, р. 208].

После встречи с Наполеоном в Тильзите Александр I заявил о том, что сближение государств будет способствовать постижению системы образования, которой, он почти уверен, Франция обязана частью своих успехов. В связи с этим делаются попытки имитации французской системы специализированных школ, профессорами в которых становятся французские специалисты. В Россию приходит наполеоновский лицей, но не напрямую из Франции, а через Польшу. Образование лицея в Варшаве, в старинном дворце польских королей, возможно, является толчком к созданию в 1810 г. лицея в императорском дворце Царского села. Лицей был призван готовить чиновников высшего ранга, в основном дипломатов. Здесь царил дух XVIII в. с некоторым налетом наполеонизма. Его программы отличались, прежде всего, тем, что большое внимание

уделялось иностранным языкам, особенно французскому, который преподавал Давид де Будри — родной брат Жана Поля Марата [20, p. 210].

Практический опыт формирования духовно-интеллектуальной элиты оказался успешным. Выпускники Царскосельского лицея стали поистине лучшими представителями отечественной культуры, ее творцами и настоящими сподвижниками просвещения [11, с. 176]. Важно отметить, что лицей во многом справедливо считался прямым продолжением Университетского благородного пансиона при Московском университете. Большинство воспитательных и образовательных традиций было заимствовано именно оттуда.

Ярким примером женского образовательного закрытого заведения можно считать открытое в 1764 г. при Смольном женском монастыре Общество для обучения благородных девиц, получившее позднее название Смольного института. Как и во всех учебных заведениях такого рода, посещение родителей и родных здесь разрешалось крайне редко. Обучение девушек в первую очередь было направлено на умение правильно подать себя в обществе, а впоследствии стать хорошей хозяйкой дома. Активно развивались творческие способности. Смолянок учили иностранным языкам, танцам, пению, игре на музыкальных инструментах, рукоделию, домоводству, рисованию и лепке [14, с. 65].

К началу XIX в. в России появляются многочисленные частные пансионы разного толка, например, только в Петербурге было семнадцать мужских и двадцать два женских пансиона. Их владельцами чаще всего становились иностранцы. В пансионы детей принимали в возрасте девяти-двенадцати лет. Обучение длилось шесть лет и носило преимущественно гуманитарный характер [3, с. 33].

Однако, как уже было сказано, многие представители дворянства склонялись к домашнему образованию своих детей. Здесь в большей степени имела место семейная воспитательная традиция. «К дворянским детям применялось “нормативное” воспитание, которое не столько развивало личность, сколько вырабатывало соответствие образцу. <...> Этот идеал весьма сильно варьировался в зависимости от близости к столицам и места на иерархической лестнице, семейных традиций и среды, но он присутствовал всегда» [4, с. 217]. Решающей установкой в воспитании дворянского ребенка было то, что его ориентировали не на успех, а на идеал. Быть храбрым, честным, образованным ему следовало не для того, чтобы достичь чего бы то ни было (славы, богатства, чина), а потому что он дворянин, что ему много дано, потому что он должен быть именно таким [17, с. 15].

Дворянские семьи были большими, детей разного возраста — множество. Старшие становились примером для младших. Под одной крышей патриархального дворянского дома проживало, как правило, несколько поколений семьи. В большей или меньшей степени многие из родственников и прочих обитателей дворянского дома или усадьбы оказывали влияние на формирование личности ребенка. Однако некоторая хаотичность воспитания нейтрализовалась тем, что все эти люди принадлежали к одному кругу общества и тоже следовали его требованиям.

Как только дворянский ребенок достигал сознательного возраста, в семью для обучения разным наукам приглашались учителя, гувернеры и гувернантки. Привитые ими воспитанникам нравственные навыки и необходимые знания служили отправной точкой для дальнейшего приобщения к наукам и самовоспитания.

Гувернеры-иностранцы появляются в Российской империи достаточно рано, поначалу только в зажиточных семьях. Например, Наталью Борисовну Долгорукову,

родившуюся в 1714 г., воспитывала мадам-иноземка. Впоследствии количество домашних учителей обоего пола, прибывших в Россию из Европы и взявших в свои руки обучение российского шляхетства, значительно увеличивается. «А какого рода были эти педагоги, видно из указа 1755 г. об учреждении Московского университета. В числе главных причин его учреждения была та, что “великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не токмо учить науки не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют, <...> не сыскав лучших учителей, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали”» [18, с. 241]. Подобные сведения о домашних воспитателях XVIII в. подтверждаются многими свидетельствами современников. К примеру, Г. Р. Державин учился немецкому языку у сосланного в каторжную работу Иосифа Розы, у которого обучались дети лучших дворянских семейств в Оренбурге.

Достаточно большое количество французских гувернеров прибывает в Россию после первой волны эмиграции, явившейся следствием Великой французской революции. Не все они были одинаково хороши, но благодаря лучшим из них в российском обществе появляются представители благородного юношества, обладающие прекрасными знаниями, достойными манерами и великолепным знанием французского языка. «По утверждению французов, после воцарения Александра I на общественную сцену выходят молодые люди, еще заметно скованные новой для них одеждой. Они являлись на пороге салонов под присмотром наставника-эмигранта, который следил за грациозностью их манер. Когда случалось слышать их разговоры, то сразу можно было заметить основательное воспитание, которое было присуще старой Франции с ее духовной галантностью и искусством постоянного обновления жизни» [20, р. 211].

Превосходным знатоком французского языка и французской культуры был, как известно, А. С. Пушкин. Виконт д'Аршиак вспоминает о беседах с ним: «Он владел нашим языком в совершенстве. Его отчетливое, выразительное, прозрачное и меткое французское слово носило на себе все следы старинной классической культуры. Это была блестящая отточенная проза дореволюционной Франции. Так писали Вольтер и Монтескье, так говорили Кольбер и Мирабо. Пушкин, видимо, воспринял в детстве от своих учителей и родных эту прозрачную французскую речь, сложившуюся в свои законченные формы еще в эпоху Людовика XV, и навсегда сохранил к ней пристрастие. Он рассказывал мне как-то, что учился нашему языку у видных французских эмигрантов, посещавших московскую гостиную его отца: Ксавье де Местр блистал здесь своими дарованиями, а Монфор и поэт Русло стали учителями маленьких Пушкиных» [5, с. 148–149].

Помимо французского, дворянство, начиная со второй половины XVIII в., продолжало осваивать немецкий, английский, иногда итальянский (чаще всего те, кто учился пению); нередко и польский, чему способствовали польские разделы и связанные с ними войны. Все эти наречия ценились тогда неизмеримо ниже французского [4, с. 136].

В процессе воспитания дворянскому ребенку старались привить определенные качества, которые были бы ему полезны на протяжении всей взрослой жизни. Молодому дворянину необходимо было научиться просто и уверенно держать себя в обществе, уметь разбираться с любыми жизненными ситуациями, всегда оставаться сдержанным и свободно общаться на любые темы. Такой поведенческий идеал был заимствован из стран Западной Европы, и именно к нему следовало стремиться.

Родители, относившиеся серьезно к воспитанию своих наследников, изыскивали для этого все возможности. Предполагалось, что каждый дворянский мальчик — будущий офицер, поэтому с раннего детства в нем воспитывали необходимые качества: храбрость и выносливость. Обучение верховой езде, плаванию, владению оружием было обязательно. Здесь можно обратиться к примеру С. Р. Воронцова, который очень много времени уделял воспитанию своих детей. «С. Р. Воронцов старался дать детям такое воспитание и образование, чтобы в реальной жизни, на практике они были готовы к любым поворотам судьбы. Таким образом, С. Р. Воронцов, взяв лучшее из системы обучения различных европейских школ, выстроил собственный план воспитания и обучения сына, основная цель которого — духовно, нравственно, физически подготовить его к службе в России, заложить при этом основы глубокого и разностороннего образования. М. С. Воронцов получил воспитание в духе традиций передового российского дворянства, приверженцев идей века Просвещения» [7, с. 34–35]. «М. С. Воронцов ежедневно занимался верховой ездой, ходил в море на яхте, увлекался шахматами. На протяжении всей жизни М. С. Воронцов поражал современников особой выдержкой, самообладанием и выносливостью» [7, с. 34].

Требования выносливости и ловкости, хотя и в смягченной форме, предъявлялись и к девочкам. В имении деда А. Н. Гончарова Полотняный Завод сестры Гончаровы учились красиво держаться в седле и стали прекрасными наездницами. О подобной системе воспитания говорит и коротенькое детское письмо Софьи Владимировны Голицыной, дочери Голицыной Натальи Петровны. «Мой брат Борис, я очень сожалею, что Вы сейчас не с нами. Мне очень весело в деревне, мы выезжаем на охоту, и папа заставляет меня садиться на лошадь. Я гуляю целыми днями. Передайте мои поклоны Мсье Оливье и брату Дмитрию. Софи» [РО РГБ. Ф. 64. Картон 103. Ед. хр. 10. (Голицыны). Голицын Б. В. Письмо (детское) от кн. Голицыной Софьи Владимировны (в замуж. Строгановой). [1780-е гг.] Франц. яз. (Перевод авт. — Н. Ф.)].

Очень часто определяющей в процессе воспитания была именно роль женщины-матери. Таким непререкаемым авторитетом стала для своих детей Александра Федоровна Черепанова (в замужестве Боратынская). Выпускница Смольного института, одна из любимых фрейлин императрицы Марии Федоровны, прекрасно образованная, обладательница блестящих манер и прекрасных душевных качеств, она, выйдя замуж за Абрама Андреевича Боратынского, последовала за мужем в родовое имение его семьи, усадьбу Мара Тамбовской губернии. Александре Федоровне, очевидно, нелегко было после императорского двора и высшего общества привыкнуть к уединению сельской жизни, однако она вскоре сумела освоиться и найти применение своим знаниям и талантам. «Воспитание детей Александра Федоровна основывала на тех же принципах, которые были присущи Смольному институту: доверительные отношения, поощрения, приобщение к чтению книг и развитие естественного желания учиться, эстетическое воспитание, идеальные представления о мире» [9, с. 189]. В семье Боратынских дети учились рисованию, живописи, музыке и литературе. Однако, несмотря на опыт и квалификацию учителей, главную роль в формировании детского мировосприятия и в становлении их личности «играли не столько преподаватели, сколько пример и образованность родственников, особенно матери, а также тот идеальный мир, который был во многом создан ее трудами и который определялся красивым словом “Мара”» [9, с. 191].

Таким образом, можно сделать вывод, что в период наивысшего расцвета дворянского сословия национальные ориентиры воспитания и обучения подрастающего

поколения во многом сочетались с новыми европейскими, заимствованными в основном из западной идеологии Просвещения. К нравственным идеалам дворянина допетровской Руси, направленным прежде всего на набожность, благотворение и благочестие, добавились идеалы нового понимания личной чести, собственного достоинства, благородства, рыцарского отношения к женщинам и слабым. Кое-где новые воспитательные и образовательные приемы противоречили старым и порой даже подменяли их, но в большинстве случаев старые и новые идеалы успешно сочетались, дополняли друг друга и в конце концов сформировали основные образовательные принципы, которым старалось следовать большинство представителей дворянского сословия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Абрамов А. П.* Отечественный и зарубежный опыт формирования личности в условиях военного образования. Курск: Изд-во ЮЗГУ, 2010. 186 с.
- 2 *Аурова Н. Н.* Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2003. 250 с.
- 3 *Барашев М. А.* Воспитание и образование русского дворянства второй половины XVIII–XIX веков. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2005. 56 с.
- 4 *Бокова В.* Отроку благочестие блюсти... Как наставляли дворянских детей. М.: Ломоносовъ, 2018. 248 с.
- 5 *Гроссман Л.* Записки д'Аршиака: Петербургская хроника 1836 года. М.: ТЕРРА, 1997. 400 с.
- 6 *Елисеева О. И.* Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М.: Молодая гвардия, 2008. 597 с.
- 7 *Захарова О. Ю.* Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М.: ЗАО Центрполиграф, 2001. 381 с.
- 8 *Керн А. П.* Из воспоминаний о моем детстве // Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Худож. лит., 1974. 368 с.
- 9 *Климкова М. А.* «Край отеческий...». История усадьбы Баратынских. СПб.: Искусство-СПб, 2006. 623 с.
- 10 *Ключевский В. О.* О нравственности и русской культуре / сост., вступ. ст. и примеч. Р. А. Киреево. М.: Дрофа, 2006. 301 с.
- 11 *Комиссаренко С. С.* Элита российской культуры. СПб.: Нестор, 2004. 236 с.
- 12 *Кудрявцева Е. Б.* Для сердца и разума: Детская литература в России XVIII в. СПб.: Нестор-История, 2010. 180 с.
- 13 *Курочкина И. Н.* Формирование и развитие российского этикета во второй половине XVIII века. М.: Союз, 1998. 152 с.
- 14 *Курочкина И. Н.* Этикет как социальное явление и его значение в педагогической деятельности. М.: Экон-информ, 2012. 147с.
- 15 *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М.: Молодая гвардия, 2005. 663 с.
- 16 *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1999. 415 с.
- 17 *Муравьева О. С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб.: Журнал «Нева», 2001. 224 с.
- 18 *Романович-Славятинский А.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870. Репринтное издание. М.: Крафт+, 2003. 328 с.

- 19 Руссо Ж. Ж. Эмиль или о воспитании / пер. с франц. П. Д. Первова. М.: Книгоиздательство К. И. Тихомирова, 1911. 580 с.
- 20 La culture française en Russie (1700–1900) / Ouvrage couronné par L'Academie des sciences morales et politiques. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1913. 571 p.

© 2021 г. Natalya. S. Furazheva
Moscow, Russia

**NATIONAL AND EUROPEAN IDEALS
OF UPBRINGING AND EDUCATION OF THE RUSSIAN NOBILITY
IN THE SECOND HALF OF THE 18TH — FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY**

Abstract: During the golden age of Russian nobility's culture (second half of the 18th century – first half of the 19th century) there were significant changes in the system of upbringing and education of the gentlefolk. In the pre-Petrine period education of the Russian nobility was aimed primarily at a spiritual improvement and housekeeping. As a result of the Western Europe's cultural influence the Russian nobility gains new educational and pedagogical guidelines based on the ideals of Enlightenment. Main focus of the education came to be the training for public service and proficiency in good manners. At that time moral literature acquired a great importance. Western-type boarding schools for men and women appeared. The teaching of foreign languages, especially French, becomes widespread. Foreign teachers and governesses are invited to teach the children of the nobility at home. The combination of the old and new ideals of upbringing and education, which bring together the best domestic and European traditions among the Russian nobility, leads to a gradual building-up of unified educational principles.

Keywords: Russian nobility, upbringing, education, ideals, Enlightenment, boarding schools, governesses, French, Western culture, traditions, behaviour, patterns, principles.

Information about the author: Natalya S. Furazheva — PhD in Culturology, Associate Professor, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University, Khibinsky proezd, 6, 129337 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1239-2286>. E-mail: furazheva@yandex.ru

Received: August 27, 2021

Date of publication: December 28, 2021

For citation: Furazheva N. S. National and European ideals of upbringing and education of the Russian nobility in the second half of the 18th – first half of the 19th century. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 62, pp. 101–112. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-101-112>

REFERENCES

- 1 Abramov A. P. *Otechestvennyi i zarubezhnyi opyt formirovaniia lichnosti v usloviakh voennogo obrazovaniia* [Domestic and foreign experience of identity formation in military education]. Kursk, Izdatel'stvo IuZGU Publ., 2010. 186 p. (In Russian)
- 2 Aurova N. N. *Sistema voennogo obrazovaniia v Rossii: kadetskie korpusa vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The system of military education in

- Russia: Cadet Corps in the second half of the 18th and first half of the 19th centuries]. Moscow, Izdatel'stvo IRI RAN Publ., 2003. 250 p. (In Russian)
- 3 Barashev M. A. *Vospitanie i obrazovanie russkogo dvorianstva vtoroi poloviny XVIII–XIX vekov* [Upbringing and education of the Russian nobility in the second half of the 18th and 19th centuries]. Vladimir, Izdatel'stvo VIGU Publ., 2005. 56 p. (In Russian)
- 4 Bokova V. *Otroku blagochestie bliusti... Kak nastavliali dvorianskikh detei* [For a boy to observe piety... As noblemen's children were instructed]. Moscow, Lomonosov" Publ., 2018. 248 p. (In Russian)
- 5 Grossman L. *Zapiski d'Arshiaka: Peterburgskaia khronika 1836 goda* [Notes d'Arciac: A Petersburg Chronicle 1836]. Moscow, TERRA Publ., 1997. 400 p. (In Russian)
- 6 Eliseeva O. I. *Povsednevnaia zhizn' blagorodnogo sosloviia v zolotoi vek Ekateriny* [The everyday life of the nobility in Catherine's golden age]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008. 597 p. (In Russian)
- 7 Zakharova O. Iu. *General-fel'dmarshal sveteishii kniaz' M. S. Vorontsov. Rytsar' Rossiiskoi imperii* [General Field Marshal, His Serene Highness Prince M. S. Vorontsov. Knight of the Russian Empire]. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf Publ., 2001. 381 p. (In Russian)
- 8 Kern A. P. *Iz vospominanii o moem detstve* [From memories of my childhood]. In: *Vospominaniia. Dnevnik. Peregiska* [Memories. Diaries. Correspondence]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1974. 368 p. (In Russian)
- 9 Klimkova M. A. “*Krai otecheskii...*”. *Istoriia usad'by Baratynskikh* [“Fatherland...”. The history of the Baratynskys' estate]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2006. 623 p. (In Russian)
- 10 Kliuchevskii V. O. *O npravstvennosti i russkoi kul'ture* [On morality and Russian culture. V. O. Kluchevsky], compilation, introductory article and notes by R. A. Kireevo. Moscow, Drofa Publ., 2006. 301 p. (In Russian)
- 11 Komissarenko S. S. *Elita rossiiskoi kul'tury* [The elite of Russian culture]. St. Petersburg, Nestor Publ., 2004. 236 p. (In Russian)
- 12 Kudriavtseva E. B. *Dlia serdtsa i razuma: Detskaia literatura v Rossii XVIII v.* [For Heart and Mind: Children's Literature in Eighteenth-Century Russia]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010. 180 p. (In Russian)
- 13 Kurochkina I. N. *Formirovanie i razvitie rossiiskogo etiketa vo vtoroi polovine XVIII veka* [The formation and development of Russian etiquette in the second half of the 18th century]. Moscow, Soiuz Publ., 1998. 152 p. (In Russian)
- 14 Kurochkina I. N. *Etiket kak sotsial'noe iavlenie i ego znachenie v pedagogicheskoi deiatel'nosti* [Etiquette as a social phenomenon and its importance in pedagogical activities]. Moscow, Ekon-inform Publ., 2012. 147 p. (In Russian)
- 15 Lavrent'eva E. V. *Povsednevnaia zhizn' dvorianstva pushkinskoi pory. Etiket* [The everyday life of the nobility of Pushkin's time]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2005. 663 p. (In Russian)
- 16 Lotman Iu. M. *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Talks about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1999. 415 p. (In Russian)
- 17 Murav'eva O. S. *Kak vospityvali russkogo dvorianina* [How a Russian nobleman was brought up]. St. Petersburg, Zhurnal “Neva” Publ., 2001. 224 p. (In Russian)

- 18 Romanovich-Slaviatinskii A. *Dvorianstvo v Rossii ot nachala XVIII v. do otmeny krepostnogo prava* [The nobility in Russia from the early 18th century to the abolition of serfdom]. St. Petersburg, 1870. Reprint edition. Moscow, Kraft+ Publ., 2003. 328 p. (In Russian)
- 19 Russo Zh. Zh. *Emil' ili o vospitanii* [Emile or on education], translated from the French by P. D. Pervov. Moscow, Knigoizdatel'stvo K. I. Tikhomirova Publ., 1911. 580 p. (In Russian)
- 20 *La culture française en Russie (1700–1900)* [French culture in Russia (1700–1900)], ouvrage couronné par L'Academie des sciences morales et politiques [Book awarded by the Academy of Moral and Political Sciences]. Paris, Librairie Hachette et Cie Publ., 1913. 571 p. (In France)